

Гао Юйшэн на мгновение замер, а затем медленно опустил глаза:

— Если я скажу, что кто-то строит против меня заговоры и намеренно связывает со мной все эти дела... ты поверишь?

— Поверю, — без колебаний ответил Чжай Чэнь.

Гао Юйшэн разжал пальцы, которыми сжимал его руку, медленно провел ладонью по его предплечью вниз и с мучительной неторопливостью обнял его. Прижавшись к прохладному плечу, он почувствовал упругие мышцы, от которых больше не хотелось отстраняться. Скосив глаза, он замер, разглядывая светлую шею, по которой извилистой дорожкой сбегало красное вино, оставляя за собой влажный след и скрываясь за воротником.

Чжай Чэнь обнял его в ответ, плотнее усаживаясь и прижимая его к себе. Вдруг он почувствовал на шее влажное тепло — что-то мягкое скользнуло по коже. Тело Чжай Чэня невольно напряглось:

— Что ты делаешь?

— Здесь вино, — совершенно невозмутимо ответил Гао Юйшэн и лизнул шею еще раз.

Чжай Чэнь хотел было рассмеяться, но не смог. От прикосновения мягкого языка по всему телу пробежала дрожь, смешанная с легким смущением. Его дыхание на секунду сбилось, и лишь мгновение спустя к нему вернулся голос:

— Ты что, пес?

— Гэгэ.

— М-м?

— Без тебя мир определенно был бы серым.

— А ну прекрати, — Чжай Чэнь терпеть не мог такие странные комплименты, от них у него кожа покрывалась мурашками. Он слегка оттолкнул щенка, который, судя по всему, собирался и дальше декламировать стихи, попутно вылизывая его шею. — Давай, топай спать.

На следующий день отец позвал Гао Юйшэня домой, чтобы обсудить дело младшего брата.

Выяснилось, что за границей Гао Муди познакомился с каким-то богачом из пустыни. Тот хотел воспользоваться его картой, чтобы перевести деньги сюда, обещав вернуть всё в долларах вместе с процентами за услугу. Гао Муди не то чтобы нуждался в этих деньгах, просто, прознав о статусе нового знакомого, решил завести полезную связь и одолжил ему карту.

— Когда это было? — спросил Гао Юйшэн у рыдающей мачехи.

— В позапрошлом месяце, когда он ездил отдыхать за границу, — послушно и быстро ответила Мачеха. В присутствии Гао Чжэньцзэ она всегда старалась казаться нежной и великодушной. Теперь же она со слезами на глазах смотрела на Гао Юйшэня, будто надеясь, что тот подскажет решение.

— Сколько ему лет, чтобы одалживать свою карту малознакомому иностранцу? Врал бы хоть поправдоподобнее, — усмехнулась сидевшая в стороне Гао Вэньчжэн. — Ладно мы, но поверит

ли полиция в этот бред?

Госпожа Гао задрожала от злости, но сдержала желание возразить и, с трудом сохраняя самообладание, обратилась к Гао Чжэньцзэ:

— Имя этого бизнесмена совпало с данными из агентства, так что полиция признала, что Сяо Ди не лгал. Но хотя это и доказывает, что детей покупали не от его имени, соучастие с него никто не снимал.

А поскольку виновник — иностранец, да к тому же сделка сорвалась, полиция не могла привлечь к ответственности того «богача из пустыни» и взялась за Гао Муди.

Гао Чжэньцзэ не спросил, где сейчас держат младшего сына, и не сказал, что делать дальше. Он лишь обвел взглядом дочь и старшего сына:

— Кто в тот день привел полицию?

Огромное здание «Цзюи», совещание проходило на самом верхнем этаже. Если бы полицейские в форме появились в холле, стойка регистрации и охрана непременно предупредили бы руководство. Однако никто из собравшихся не получил никаких уведомлений — полиция просто ворвалась и увела Гао Муди прямо на глазах у всего совета директоров.

— У меня нет доступа в это здание, — холодно отстранился Гао Юйшэн.

— Я, — усмехнулась Гао Вэньчжэн. Смысла отпираться не было: все равно по камерам видно, скрывать нечего. То небольшое опоздание на заседание как раз ушло на то, чтобы встретить и проводить полицию.

Мачеха с недоверием уставилась на нее:

— Как ты могла так поступить? Он же твой родной брат!

Стоявший у двери Чжай Чэнь подумал, что эти слова звучат на редкость знакомо. Вчера она точно так же допрашивала Гао Юйшэня: «Он же твой родной брат!»

— Полиция попросила меня посодействовать следствию, а я законопослушная гражданка, поэтому, разумеется, помогла. И благодаря моему содействию они проявили любезность и дали брату закончить презентацию проекта. Если бы его арестовали в самом начале, все его труды за неделю пошли бы насмарку, верно? — уверенно заявила Гао Вэньчжэн с таким видом, словно Гао Муди еще остался ей должен.

— И это называется быть старшей сестрой? — лицо Гао Чжэньцзэ потемнело от ярости, и он замахнулся, чтобы отвесить ей пощечину.

Гао Вэньчжэн успела уклониться. Удар не пришелся по лицу, но сбил с нее шляпку. Поднявшись на ноги со слегка растрепавшимися волосами, она посмотрела прямо на отца и повысила голос:

— Он сам пошел на преступление! Я, что ли, его заставила? Не впусти я полицию, они все равно прорвались бы силой, и тогда позора было бы куда больше.

Гао Чжэньцзэ смерил ее холодным взглядом:

— Думаешь, я не знаю, как избежать позора? Выставить моего младшего сына никчемным

перед всем советом директоров — это, по-твоему, прилично?

— Меня просто тошнит от твоего предвзятого отношения! Ты вечно выделяешь сыновей! Что хорошего в этом ничтожестве? — Гао Вэньчжэн с силой стукнула тростью об пол. — Уж если и отдавать семейное дело кому-то, лучше пусть его унаследует Гао Юйшэн!

Внезапно упомянутый Гао Юйшэн с бесстрастным лицом произнес:

— Не претендую. Если вопросов больше нет, я пойду.

Все прояснилось: к нему это не имело никакого отношения. Сейчас Гао Муди погряз в разбирательствах и оставался под арестом в полицейском участке. Только когда следствие завершится и его переведут в изолятор временного содержания, можно будет попытаться освободить его под залог. Гао Юйшэню не нужно было об этом беспокоиться, как и незачем было оставаться между молотом и наковальней в ссоре отца и дочери.

Чжай Чэнь наблюдал за происходящим с открытым ртом, искренне не понимая страстей вокруг дележки богатого наследства. В их семье Чжай Цзяньго оставил после себя лишь одну квартиру и меньше ста тысяч юаней сбережений. А в придачу — требующего ухода младенца и жену, потерявшую рассудок от потрясения. Ни он, ни Фан Чуян не получили богатств, им достался лишь тяжелый груз ответственности.

— Это дело рук Гао Вэньчжэн? — негромко спросил Чжай Чэнь у Гао Юйшэня, едва они вышли из дома семьи Гао.

Гао Юйшэн кивнул:

— Она определенно замешана. Как минимум она знала, что Гао Муди помогает кому-то обналичивать деньги.

Потому Гао Чжэньцзэ так и разозлился — он тоже обо всем догадался.

— И как это провернули? Наняли иностранца? — поинтересовался «учитель Чжай», окончивший лишь профтехучилище и далекий от финансовых махинаций.

— Ей нужно было всего лишь свести Гао Муди с кем-то из подпольного банка. — Посторонним это было неизвестно, но в семье Гао прекрасно знали: этот мот уезжал за границу играть в казино. Там требовались наличные, а контроль над обменом валюты сейчас строгий, поэтому ему приходилось обращаться к теневым банкирам, чтобы получить иностранную валюту прямо на месте.

Слово за слово, они сошлись ближе, и новые знакомые предложили ему сомнительную сделку. Младший брат Гао, будучи простофилей, вряд ли что-то заподозрил — скорее решил, что обзавелся приятелем, и сгоряча помог провести незаконную операцию с валютой.

А вот была ли покупка ребенка этим «новым другом» простым совпадением или чьим-то спланированным ходом — оставалось загадкой.

Как бы то ни было, дело о похищении и продаже детей из приюта теперь считалось полностью раскрытым. Все причастные к этому внутри страны были арестованы. Что касается детей, проданных за границу, путь к их спасению обещал быть долгим и трудным, но надежда все же оставалась.

В детском доме Гаоюань сменился директор. Чжай Чэнь заглянул туда под предлогом благотворительной помощи. Новым руководителем оказалась строгая и ответственная женщина средних лет, от которой так и веяло неподкупностью старого партийного закала.

Дело Сысы передали высшему руководству. Неизвестно, как именно Гао Юйшэн уладил этот вопрос, но в итоге выход действительно нашелся. Данные девочки решили опубликовать в интернете сроком на три месяца. Если за это время родители не объявятся, ей выдадут справку о том, что ее семья временно не найдена. Спустя еще какое-то время, если вестей так и не поступит, можно будет оформить свидетельство об оставлении без попечения родителей и признать ее подкинутым ребенком.

Арчи на другом конце океана, услышав эту новость, от радости чуть не прыгал до потолка и заявил, что теперь-то отправится искать симпатичного парня, чтобы сыграть свадьбу.

По завершении следствия Лу Чанхуа наконец разрешили навещать.

Гао Юйшэн вошел в здание следственного изолятора. Перед ним одна за другой открылись две тяжелые железные двери. Он притормозил и оглянулся на Чжай Чэня, которому идти дальше не разрешалось.

— Иди, я подожду здесь. Если что, звони, — Чжай Чэнь похлопал по своему рюкзаку, давая понять, что в случае опасности он запросто выломает решетку и придет на помощь.

Гао Юйшэн сдержанно улыбнулся и шагнул в комнату для свиданий.

Лу Чанхуа в тюремной робе выглядел изможденным. Увидев, что его пришел навестить Гао Юйшэн, он заметно удивился:

— А генеральный директор Гао действительно доброй души человек.

Гао Юйшэн положил руки на стол, переплетя пальцы, и спокойно посмотрел на него:

— Я хочу услышать о Е Фэнцю.

Лу Чанхуа вздрогнул от неожиданности и внимательно всмотрелся в его лицо:

— Ты... Ты Тяньцы?

Гао Юйшэн не стал ни подтверждать, ни отрицать это. У него не было ни малейшего намерения признавать родство с дядей. С тем же бесстрастным лицом он продолжил расспросы:

— Я хочу знать, почему он с такой заботой относился к чужим детям, но наотрез отказывался видеть собственного внука.

<http://bllate.org/book/18293/1757277>